

ИСТОРИЯ

Э.Л. Дубман

ЗЕМЛЯНАЯ КРЕПОСТЬ В САМАРЕ И ДРУГИЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ
СООРУЖЕНИЯ РЕГИОНА В КОНЦЕ XVII - НАЧАЛЕ XVIII в.

Эпоха царствования сыновей Алексея Михайловича и, прежде всего, Петра I, охватившая последние десятилетия XVII – первую четверть XVIII в., стала одним из самых значимых периодов в истории российской колонизации южных районов Среднего Поволжья, в том числе и Самарского края. После завершения Разинщины ареал массового сельского расселения в междуречье Волги и Суры «перевалил» через укрепления Симбирской и Карсунской засечных черт и начал спускаться далее на юг. Этому способствовала, прежде всего, политика государства в регионе. В конце 1670-х гг. правительство возводит Пензенскую укрепленную линию, к середине 1680-х разрабатывается проект ее продолжения на восток к Волге, к уже построенной Сызрани (1683 г.). На создание новой засечной черты в казне не нашлось средств. Но в зоне ее предполагаемого строительства: от Суры к Волге была создана совокупность военизированных поселений во главе с пригородами Симбирска - Сызранью и Кашпиром (1687 г.)¹. Они явились своеобразным оборонительным рубежом, защитившим новые районы колонизации.

Последнее десятилетие XVII в. стало временем проведения еще более значимых государственных акций на юго-восточных рубежах европейской части страны. Россия утвердилась в Приазовье, приступила к строительству волго-донского канала и новых городов-крепостей - Дмитриевска и Петровска. Все это создало благоприятные условия для дальнейшего освоения «порозжих» земель на Правобережье и расширения ареала оседлого расселения к югу от Сызрани и Кашпира. Так, в прибрежной зоне Волги, почти до Саратова, под прикрытием городков-крепостей сложилась система сельских поселений во владениях крупных московских монастырей - Новодевичьего, Вознесенского, Чудова, Новоспасского и др.

Основными акторами колонизации новых территорий являлись русские переселенцы и автохтонное население, занимавшее лежащие севернее районы Среднего Поволжья. Мордва и чуваша традиционно имели промысловые угодья в южной лесостепи, эксплуатируя их «наездом». Отношения, возникавшие в поликомпонентной этноконфессиональной среде переселенцев, где явно преобладали русские, достаточно точно охарактеризовала американская исследовательница Валери Кивельсон. Она писала, что в ходе колонизации наблюдался: «...отпечаток русского подхода к «человеческой географии», для которого ни искоренение, ни обращение [имеется в виду местного населения – Э.Д.] не были характерны»².

Можно считать доказанным, что к началу XVIII в. вся южная лесостепь правобережья Среднего Поволжья являлась зоной интенсивного сельского расселения. В.М. Кабузан писал, что «...уже в XVIII в. Среднее Поволжье не являлось районом интенсивного заселения»³. Р.Г. Кузеев, анализируя демографические процессы в Средневолжском регионе на протяжении второй половины XVI – середины XIX в., также приходит к выводу, что наиболее активное заселение региона происходило в первой половине этого периода, то есть до начала XVIII в.⁴ С этим положением согласны и авторы современных обобщающих исследований⁵. В рамках Средневолжского региона следует, однако, отдельно рассматривать основную часть Самарского Заволжья, массовое освоение которой началось только со второй трети XVIII в.

На рубеже XVII-XVIII вв. складываются условия для первичного аграрно-промыслового освоения Самарского Левобережья. Его заселение началось с прибрежной полосы Волги, где на всем протяжении от устья Б. Черемшана (и начала Закамской линии, построенной в середине XVII в.) до р. Самары появляются пока еще немногочисленные сельские поселения и промысловые заведения. Почти одновременно в окрестностях построенного в 1703 г. пригорода Сергиевска складывается крупный комплекс серных заводов с прилегающими к ним селениями крестьян и работных людей. От него по среднему и нижнему течению р. Сока была создана система укреплений, гарнизоны которых защищали речной путь от заводов к Волге⁶. В 1706 г. построили новую крепость в уездной Самаре, а на дальних восточных подступах к ней пригород Алексеевск. Ранее других масштабность начавшегося в междуречье Б.Черемшана и Самары расселения оценили восточные соседи – башкиры. Они увидели в нем реальную угрозу для своих промысловых владений, что и вызвало разорительные набеги во время восстания 1704-1711 гг.⁷

Несомненно, что именно массовое строительство крепостей и острогов стало основой для существенного расширения пространства российской колонизации в южных районах Среднего Поволжья. Менее чем за четверть века их возвели более десятка (пять государственных и еще больше

частных – монастырских), что оказалось совершенно новым явлением для изучаемого региона (рис.1).

Рассматривая подходы царской администрации к техническим, конструктивным особенностям процесса массового, т.н. «крепостного» строительства в нашем крае, можно выделить два этапа. На первом из них – до 1703 г., правительство и центральные монастыри придерживались традиционной для Московского государства практики строительства деревянных городков: со стенами в виде острогов (частоколов, тынов, городен и т.д.) и тарасов, перемежавшихся башнями. Сохранились достаточно подробные описания укреплений Сызрани и Кашпира (и план последнего) (рис. 2-4), краткие сведения о Сергиевске 1703 г., стенах и башнях монастырских городков-крепостей на Правобережье, которые совершенно очевидно свидетельствуют в пользу этого мнения⁸.

Ситуация изменилась в 1704 г., когда демонтаж и вывоз «деревянного города» Сергиевска на Терек открыл дорогу новому явлению – строительству в Заволжье «земляных крепостей» – Сергиевска (1704 г.), Самары и Алексеевска (1706 г.⁹).

В них оборонительные сооружения из дерева только дополняли ставшие основными земляные. Характерно, что при возведении земляных укреплений вала и рва использовались самые простые технологии – послойная насыпка вала землей из рва, последующая трамбовка насыпи, укрепление внешних поверхностей с помощью плакировки, дернин, бревен, фашин и т.д. Упрощенной выглядит и конфигурация системы ров – вал. Она не имела гласиса; сложной, четко очерченной конфигурации вала и т.д. «Большерки» вместо бастионов, отсутствие рavelинов перед куртинами (участками крепостной ограды между фланками двух смежных бастионов - большерков) – все эти конструктивные особенности также свидетельствуют о начальном этапе освоения западноевропейского опыта. Позднее практика опоры на земляные сооружения была продолжена при Анне Иоанновне, при возведении в Заволжье крепостей, фельдшанцев и редутов Новой Закамской и Самарской (Оренбургской) линий. Но в них конфигурация земляных сооружений выглядит гораздо более сложной, опирается на образцы европейской фортификации.

В целом же исследователи зачастую объясняют переход к земляным укреплениям проблемами экономии средств и ресурсов в ходе Северной войны, а также новациями, взятыми из западноевропейского фортификационного искусства¹⁰. Привезенные в Россию книги европейских специалистов в области военного искусства использовались как учебные пособия при сооружении новых городов и укрепленных линий. В качестве примера можно привести

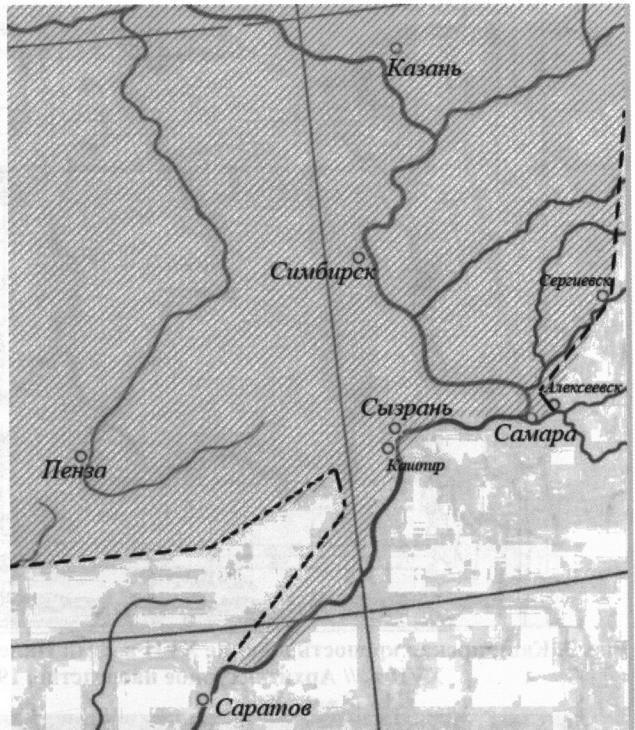

Рис. 1. Границы территории оседлого расселения и города-крепости в Южном Средневолжье в конце XVII – начале XVIII в.

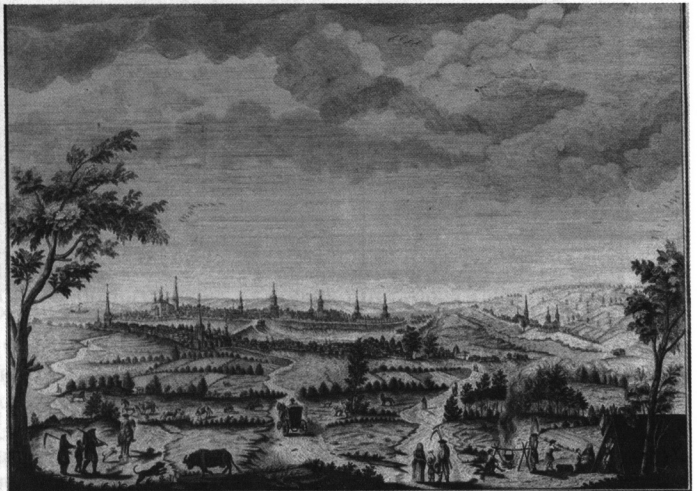

Рис. 2. Сызрань на гравюре М.И. Махаева первой половины XVIII в.

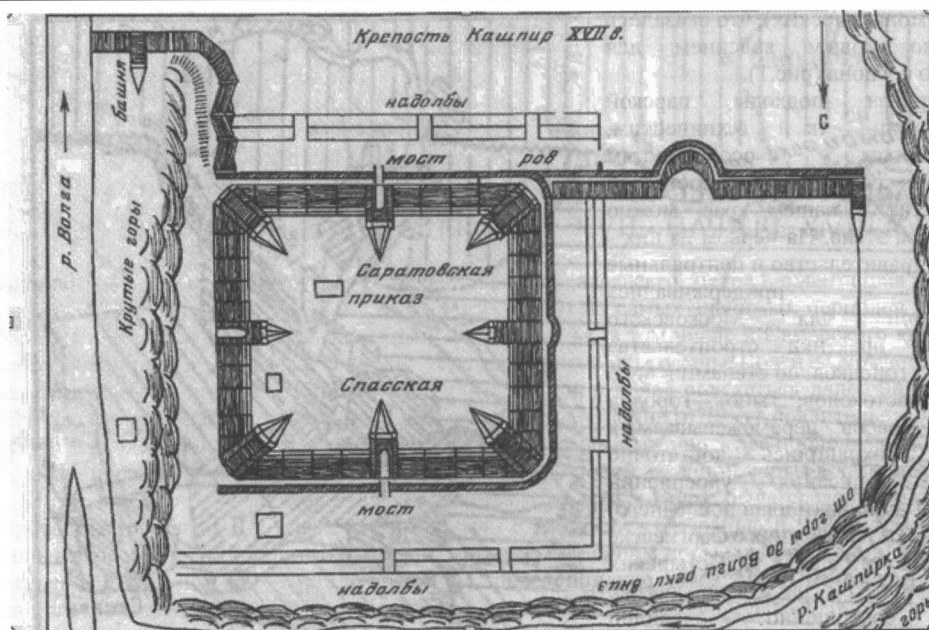

Рис. 3. Кашпирская крепость в конце XVII в. См.: Налетов А.Г. План города Кашпира конца XVII в. // Архитектурное наследие. 1972. Вып. 19. С. 93-95.

Рис. 4. Кашпир на рисунке К. де. Брунна. См.: Voyages de Corneille Le Brun par la Moscovie, en Perse, et aux Indes Orientales. Amsterdam, 1718. Volume 1.

пример из сочинений Вобана о том, как следует насыпать земляной вал линии: «... а спереди по длине той линии насыпав горбок земли шириною в 2 или 3 фута, а высоту на $\frac{1}{2}$ фута гораздо его отоптать и збить лопатками, а снаружи маленькую у него крутость зделать»¹¹.

Из всех трех указанных выше «земляных крепостей» до настоящего времени сохранились укрепления только одной - Сергиевска. Осматривавший пригород в середине XIX в. М.И. Иванин

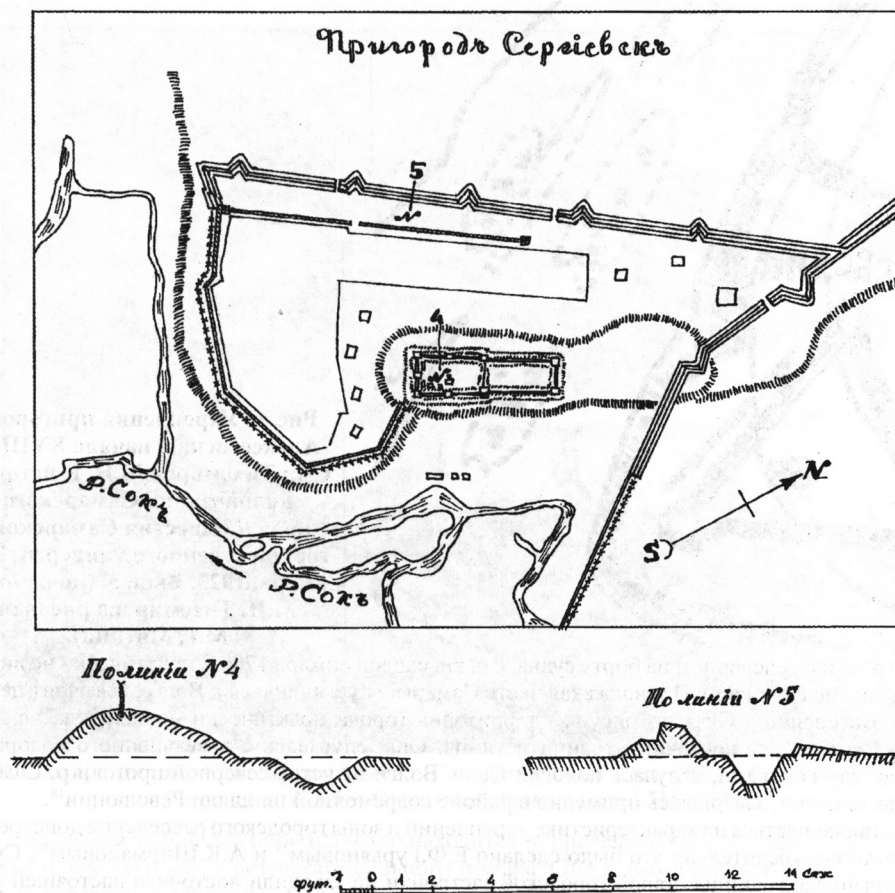

Рис. 5. Сергеевск на ландкарте Закамской экспедиции. См.: Ласковский Ф.Ф. Карты, планы и чертежи к III части материалов для истории инженерного искусства в России. СПб., 1866. Л. 8. Изобр. 16.

писал: «Вал его насыпан щебнем. По углам сделаны выдававшиеся закругления, образующия как-бы небольшие, круглые, насыпные бастионы, вероятно, для действия сверху их орудиями...»¹². На наш взгляд, такой способ возведения валов и тип бастионов был очень близок к аналогичным укреплениям земляной крепости Самары и, практически, современен им. Отметим, что Иванин должен был увидеть в Сергеевске старую «петровскую» крепость и примыкавший к ней с востока более поздний городок, созданный инженерами Закамской экспедиции в начале 1730-х гг. (рис. 5)¹³. Но, скорее всего, его характеристика относится к городку, построенному при Петре в 1704 г. Наш осмотр «петровской» и «закамской» частей Сергеевской крепости в начале 2000-х гг. показал, что их земляные укрепления вполне сохранились, хотя в ряде мест в них были сделаны проезды или они сильно оплыли. Судя по разрезам вала, он, действительно, состоит из щебня и земли.

Такая же «земляная» крепость, но только треугольной формы (ее называли «корабль»), была характерна и для построенного стольником С.К. Дмитриевым (по другим сведениям, казанским комиссаром А. Сергеевым) в 1706 г. Алексеевска. Его земляные укрепления, видимо, были устроены наскоро, плохо уплотнены («плакированы») и не защищены дерновым покрытием. По описанию 1728 г. вал Алексеевской крепости «осыпался» и вместо него пришлось ставить «забор» (рис. 6)¹⁴.

Остановимся подробнее на «земляной крепости» Самары, т.к. именно этот город в первые десятилетия XVIII в. являлся ключевым для дальнейшего освоения Заволжья. Построенная в 1586 г. на возвышенном водоразделе между реками Самара и Волга деревянная крепость не однажды реконструировалась и просуществовала на одном месте до начала XVIII в.¹⁵ Несмотря на постоянные пожары, а только за 1690-1703 гг. Самара горела трижды (1690, 1700 и 1703 гг.), вплоть до начала XVIII в. местные власти и население неизменно пытались восстановить прежний облик «города» (рис. 7)¹⁶.

Последнее описание и одно из лучших изображений «старой» Самары оставил голландский художник и путешественник К. де Бруин (К. де Брейн)¹⁷, проплывавший мимо города вниз по Волге летом 1703 г.

Рис. 8. Самара на рис. К. де Бруина 1703 г. См.: *Voyages de Corneille Le Brun par la Moscovie, en Perse, et aux Indes Orientales*. Amsterdam, 1718. Volume 1.

территории современной Хлебной площади находится за пределами городской застройки XVII в.

Только после того как в результате сильного пожара 1703 г. выгорела значительная часть посада, слобод и деревянная крепость с основными административными зданиями, правительство решило принять кардинальные меры для защиты города²¹. Новая, теперь уже земляная крепость была возведена примерно в 200 м восточнее сгоревшей старой. Строил ее (или завершил строительство) в 1706 г. казанский «камисар» Александр Сергеев²². Более точно судить о времени строительства позволяет письмо А. Дмитриева-Мамонова из Казани к фельдмаршалу Б.И. Шереметеву от 29 апреля 1706 г.: «Господин Александр Савич [Сергеев] на Самару поехал город строить»²³.

Что же представляла собой новая Самарская крепость? Сведений о том, как она строилась, не выявлено. Сохранились только краткие и не всегда точные характеристики второй половины 1710-х - начала 1720-х гг. Так, шотландец Джон Белл, побывавший в Самаре в 1716 г., писал: «Город еще невелик и укреплен только рвом и частоколом с деревянными башнями на определенном расстоянии»²⁴. 10 июня 1722 г., посетив Самару на пути в Астрахань, Петр I «... ездил осматривать того города, который огорожен досками»²⁵. Участник того же Персидского похода западноевропеец на русской службе Питер Брюс так охарактеризовал вид города: «Форма Самары квадрат, и укрепления, и здания все деревянные, исключая церкви и монастыри»²⁶.

Более точно и содержательно вид Самары передают официальные документы местных властей конца первой трети XVIII в. Сохранилось три таких описания города. В 1728 г. общие сведения о Самаре, Сызрани и пригороде Алексеевске собрал для Петербургской герольдмейстерской канторы симбирский провинциальный воевода²⁷. Однако в характеристике крепостных сооружений воевода был весьма краток. Например, о Самаре он писал, что А. Сергеев: «... вместо рубленого города от жилья к степи учинил земляной замок, а от того замка круг всего жилья вместо полисада забрал в столбы забором и учинил рогатки. И ныне [в 1728 г.] тот замок весь осыпался; а забор и рагатки погнили и от приходу воинских людей... к осадному времени весьма негодитца»²⁸.

Иной характер имели так называемые «рописные списки» - документы, в которых вновь назначаемые воеводы должны были описать состояние оборонительных сооружений, вооружение, состав воинских людей и другие параметрыверяемых им городов. По Самаре сохранилось два таких документа: 1729 г. - майора А.И. Кушника²⁹ и 1731 г. - нового воеводы майора Я.Н. Сытина³⁰. Именно они содержат относительно подробную характеристику городских укреплений.

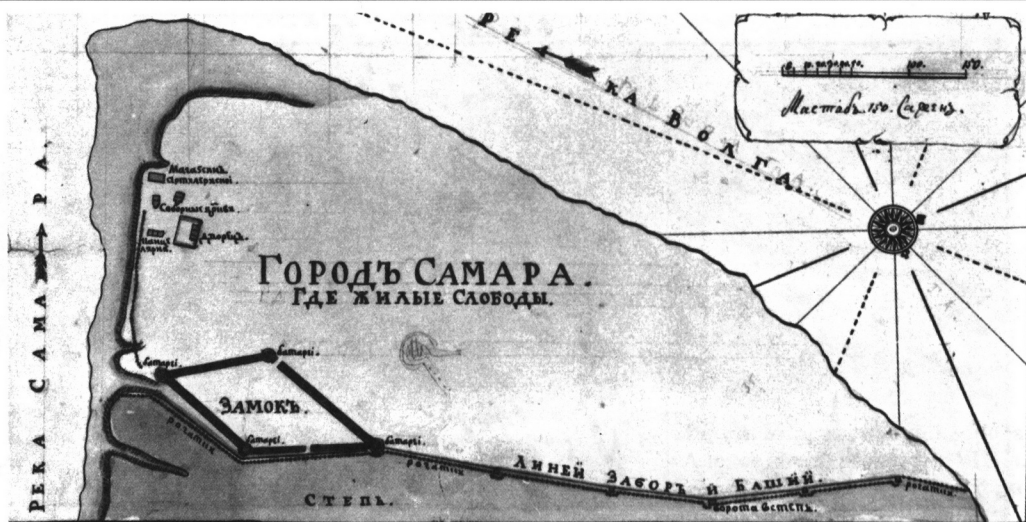

Рис. 9. План Самары на ландкарте Новой Закамской линии 1733 г. // РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2087.

Данные росписных списков подтверждают схематический план Самары, включенный в ландкарту 1733 г. новой оборонительной линии сотрудниками Закамской экспедиции. Этот план и является первым из известных нам чертежей Самары XVII – середины XVIII в. (рис. 9)³¹. Видимо, было сделано несколько его вариантов, незначительно отличающихся друг от друга. Один из них опубликован в середине 1860-х гг. Ф.Ф. Ласковским - специалистом по русской фортификации (рис. 10)³². Кроме того, внешний облик Самары, ее застройку можно представить по рисунку участника Оренбургской экспедиции англичанина Джона Кэстля в конце 1730-х гг. Кэстль прожил в Самаре несколько лет и хорошо представлял ее градостроительные особенности. Самара на его рисунке, сделанном с Волги, предстает небольшим городом, спускающимся по склону возвышенности к волжскому берегу, с тесной деревянной застройкой, несколькими храмами; возвышающейся над остальными зданиями сторожевой башней, другими укреплениями в виде земляного вала, деревянных башен и частокола (рис. 11). На гребне водораздела город завершался «земляной крепостью» и деревянными укреплениями, часть которых можно наблюдать на рисунке³³. Очевидно, это был лучший ракурс для зарисовки. Далее к востоку застройка Самары практически не распространялась и показать ее градостроительный облик из завожской степи было невозможно.

Земляную крепость («замок»), построенную в 1704-1706 гг., удастся достаточно точно локализовать по планам конца XVIII - первой половины XIX в. (1782, 1804 и других годов³⁴). Поэтому, вполне определенно можно рассуждать о границах уездной Самары и месторасположении на современных картах города двух его крепостей и их застройке.

Характеристика системы укреплений и внешнего вида города в первые десятилетия XVIII в., по указанным выше росписным спискам и другим источникам, приведена в работах самарских краеведов Е.Ф. Гурьянова и А.К. Ширманова. Несмотря на некоторые различия в трактовке отдельных компонентов оборонительных сооружений, в целом эти исследователи приходят к относительно близким выводам³⁵. Очевидно, что более убедительную реконструкцию системы укреплений «земляного города», основанную, к тому же, и на плане начала 1730-х гг., опубликованном Ф.Ф. Ласковским, предлагает Е.Ф. Гурьянов³⁶.

Судя по всем этим материалам и, прежде всего, по ландкарте 1733 г. город с жилой застройкой и оборонительными сооружениями хорошо вписывался в излучину рек Волги и Самары и образовывал фигуру, близкую к равнобедренному треугольнику. Его стороны - прилегающая к Волге и степная - были примерно равны, протяженность каждой из них достигала почти 1,5 км. Основание опиралось на р. Самару и составляло около 0,7 км.

Как уже говорилось, новый «замок» был выстроен на свободном месте, примерно в 200 м к северо-востоку от сгоревшего кремля – «от жилья к степи», в районе современной Хлебной площади³⁷. Это была земляная крепость, «замок», как ее называли современники, без бруствера, с частоколом («палисадом»)³⁸ по вершине вала. Ф.Ф. Ласковский так пишет о системе укреплений Самары: «Она состояла из сомкнутой земляной крепостцы, под именем замка, расположенной на берегу Самары, и деревянной ограды, простиравшейся от нея до р. Волги. Земляная крепостца, в виде плоского четырехугольника, состояла из земляного вала без бруствера, с палисадом на вершине; по углам находились круглые

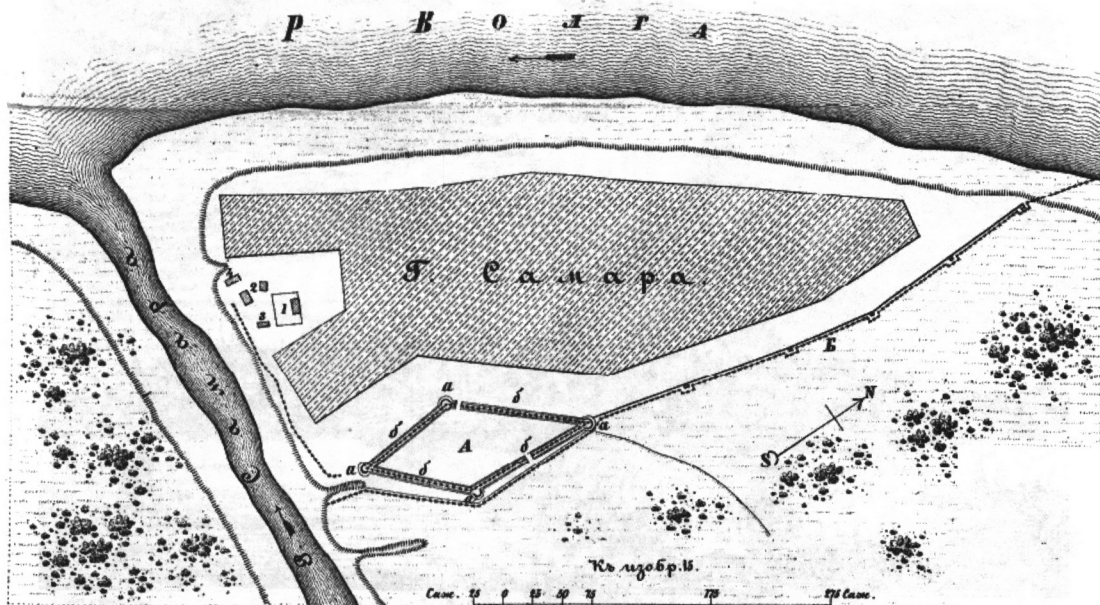

Рис. 10. План Самары начала 1730-х гг. См.: Ласковский Ф. Карты, планы и чертежи к III части материалов для истории инженерного искусства в России. СПб., 1866. Л. 8. Изобр. 15.

выступы с бруствером, назначенные для помещения артиллерии, а две стороны ограды, обращенные к степи, были окружены рвом, с рогатками на вершине контр - эскарпа. Деревянная ограда состояла из забора с 5-ю башнями; у подошвы ее был также поставлен ряд рогаток»³⁹.

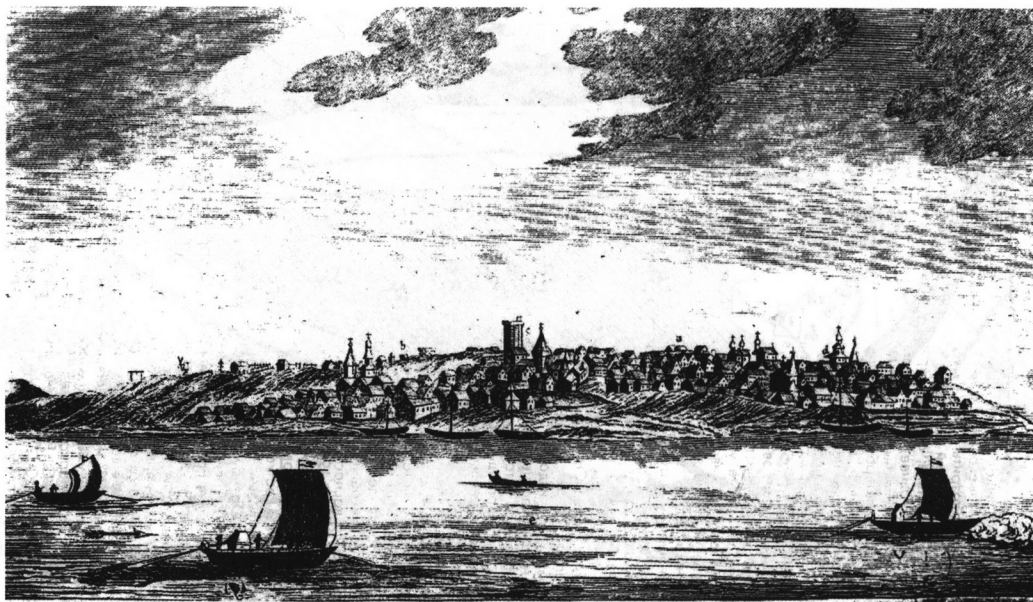
В 3-м томе своего исследования Ласковский дает сходную, но более краткую характеристику земляной крепости: «...небольшой сомкнутый земляной окоп... в виде плоского четырехугольника, с круглыми выступами..., или батареями по углам; с наружной стороны он окружен был рвом и рогатками, помещенными за контр-эскарпом»⁴⁰. Вполне очевидно, что в первом и втором описании Самары он опирался, прежде всего, на ее план начала 1730-х гг. Других материалов в распоряжении историка, скорее всего, не было.

К сожалению, о технологии строительства «земляного окопа» данных не сохранилось. Как правило, крупные земляные укрепления в это время строили методом насыпки грунта из рва, его последующей трамбовки и плакировки склонов или обшивки их дерном. Отдельные, наиболее значимые, участки поверхностного слоя земляных укреплений могли укреплять дополнительно - бревнами (например, это предлагалось для отдельных участков Царицынской линии⁴¹), фашинами - связками прутьев (как например, на Карельском перешейке⁴²). Сведений о создании при строительстве «земляной крепости» деревянных конструкций - клеток (тарасов) для засыпки их земель с последующей трамбовкой у нас не имеется.

По данным росписных списков 1729 и 1731 гг. по внутреннему промеру полигон «замка» (протяженность всех его сторон, видимо, без учета башенок) составлял 398 сажен (860 м), по внешнему - 480 (округленно 1037 м)⁴³. Говоря о форме крепости, Е.Ф. Гурьянов пишет о ромбе, т.е. о геометрической фигуре (параллелограмме), все стороны которого равны⁴⁴. При более внимательном рассмотрении сохранившегося плана Самары следует признать правоту Ф.Ф. Ласковского, обозначившего земляную крепость как «плоский четырехугольник», т.е. четырехугольник, все вершины которого лежат в одной плоскости. По форме он действительно похож на ромб, но вполне очевидно, что две его стороны, образующие северный, противоположный р. Самаре, угол, имеют несколько большую протяженность. Разумеется, по плану 1733 г. крайне сложно определить протяженность внутренних и внешних продольной и поперечной осей крепости (капиталей углов полигона). Протяженность внешней продольной оси крепости по данным измерений 1730-х гг. составляла около 454 м⁴⁵, а общая ее площадь достигала приблизительно 4 гектара.

Т.Г. Масленицкий, автор «Топографического описания губернии Симбирской», также приводит свою общую характеристику «земляной крепости» середины 1780-х гг., когда она уже «оплыла», потеряла строгость очертаний: «А ныне видимы только остатки старой земляной крепости, обведенной рвами, фигурой наклоненного четырехугольника, имеющего в длину до 200, в ширину до 100, в окружности до 450 сажен». Самая важная, как нам кажется, деталь этого описания: свидетельство о «наклонном четырехугольнике», т.е. лежащем на склоне возвышенности⁴⁶.

Рис. 11. Самара в середине 1730-х гг. Гравюра по рисунку английского художника Дж. Кэстля. См.: Смирнов Ю.Н. Новый источник по истории Самарского края XVIII века и его автор. О "Дневнике" и гравюре Джона Кэстля // Самарская область. Этнос и культура. Информационный вестник. 1998. №1-2.

По углам крепости находились круглые земляные выступы с бруствером - больверки, Три из них имели дополнительные укрепления в виде бревенчатых «струбами» щитов, т.е. казематов⁴⁷. Видимо, именно на этих 3-х больверках и стояли батареи пушек⁴⁸. По расчетам А.К. Ширманова, ширина земляного вала у основания составляла около 12 м, а его верхней площадки при общей высоте в 4 м около 2 м.⁴⁹ В крепость можно было попасть через двое проезжих ворот и одни – «тайнишные». С восточной внешней стороны она была защищена рвом и рогатками. Судя по изображению на ландкарте, линия рогаток, прикрывавших юго-восточную сторону крепости, находилась на более значительном удалении от вала. Подобную диспропорцию можно объяснить тем, что от склона к р. Самаре к этой стороне крепости примыкал небольшой овражек. Насколько далеко к северу он вклинивался в систему укреплений – рогатки – ров - вал, неизвестно. Возможно, стенки оврага использовали как продолжение южной оконечности рва и для этого их даже эскарпировали.

Вся прочая жилая застройка города была защищена тянувшимися от северной оконечности крепости деревянными заграждениями – забором и тарасами, перемежаемыми 5 башнями, а также помещенными перед ними рогатками. Эта система укреплений выходила к Волге в районе современной ул. Венцека (Базарной, а с середины XIX в. – Заводской)⁵⁰. Росписные списки 1729 и 1731 гг., план самарской крепости 1733 г. содержат достаточно подробные сведения о ее фортификационных особенностях⁵¹. Реконструкция этой системы укреплений приведена в работах Е.Ф. Гурьянова и других исследователей, и поэтому мы не будем специально останавливаться на ее характеристике.

По данным описаний 1728-1729 и 1731 гг. значительная часть крепостных сооружений находилась в плачевном состоянии. Рогатки «по местам погнили и обвалились», «ветхи», «ветхая башня», «земляной город обвалился, две глухих башни – тоже» - такие характеристики укреплений встречаются постоянно⁵². В 1732 г. воевода Я.Н. Сытин доносил в администрацию Казанской губернии о том, «что в Самаре крепость и рогатки обветшали, все гнилое...» и просил средства и материалы на починку. Артиллерийское вооружение города также оставало желать лучшего. В Самаре было всего 6 годных к стрельбе чугунных пушек, да и то под ними «станки и колеса погнили и полопались». Поэтому, по мнению воеводы, следовало прислать «16 пушек чугунных и порох и свинец, да 4 походные пушки». Это донесение дошло до Военной коллегии и даже до Сената. В октябре 1733 г. из Военной коллегии в Казанскую губернскую канцелярию поступил указ о ремонте крепости в Самаре, заготовке леса и т.д. Просьбу Сытина в артиллерии удовлетворили только частично, а пока новые пушки должны были привезти в Самару, воеводе предложили опираться на помощь руководителя Закамской экспедиции Ф.В. Наумова.

Загрязнения в финансировании, обновлении укреплений и перевооружении города обуславливались, прежде всего, тем, что Самара «с другими регулярными крепостями не числится»⁵³. Действительно, в

Рис. 12. Геометрический план Симбирского наместничества города Самары 1782 г. См.: Синельник А.К. История градостроительства и заселения Самарского края. Самара, 2003.

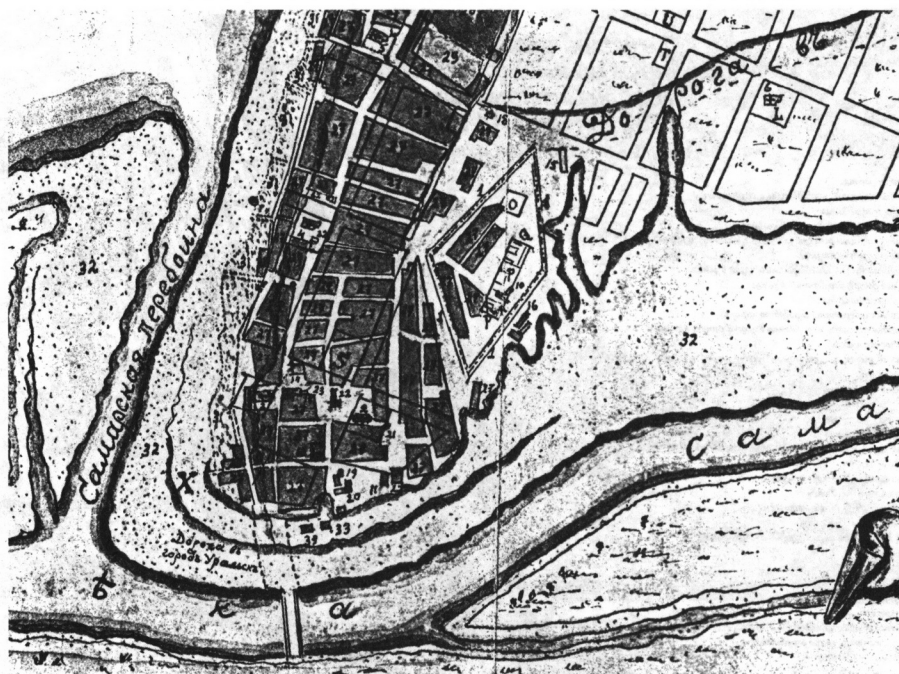
представленном генерал-фельдцейхмстером Б.Х. Минихом в 1729 г. новом штате крепостей Самара значилась как «иррегулярная» крепость. Задачи ее были указаны весьма определенно: «Самара, за неимением на Волге с луговой стороны другого города, для удержания калмыцких, башкирских, а наипаче казачьих орд и каракалпаков»⁵⁴.

Создается впечатление, что если прошение самарского воеводы и удовлетворили, то только в весьма ограниченных размерах, так как и впоследствии неоднократно поднимался вопрос о ветхости крепости, слабости артиллерии и плохом состоянии гарнизона⁵⁵. Последнее из известных нам решений по этому вопросу относится к 1742 г. Любопытно, что для проведения ремонта земляных и деревянных укреплений в первой половине 1730-х и в начале 1740-х гг. предполагалось набирать «охочих людей» как по Самарскому уезду, так и по всей Казанской губернии. О масштабности таких работ свидетельствует тот факт, что по подсчетам воеводы Я.Н. Сытина только на палисады следовало заготовить дубового «трехсаженного лесу от пяти до семи вершков» (6,48 м длиной и в диаметре от 22,5 до 31,5 см) 5600 бревен⁵⁶.

По всей видимости, ремонт оборонительных сооружений Самары так и не состоялся. Тем более, что после строительства Самарской линии и создания Оренбургской губернии значимость города как военного и административного центра резко снизилась. На некоторое время, во второй половине XVIII в. он потерял свой городской статус и уезд.

Самара начинает интенсивно развиваться, становится центром крупной земледельческой округи только в первой половине следующего столетия. Однако для этого нового периода в развитии города «земляная крепость» уже была не нужна. Окончательно ее история заканчивается в середине XIX в. Последние упоминания о крепостных сооружениях относятся ко времени пожаров 1848-1850-х гг., когда жители, спасаясь от огня, выносили свое имущество на «валь». Окончательно они были срыты «с помощью арестантов, по распоряжению губернатора...» в 1851-1853 гг.⁵⁷

Особый интерес представляет вопрос о том, какие здания и учреждения находились внутри «земляной крепости». Сведений об этом сохранилось крайне мало. В росписных списках указаны построенные «для караула» из соснового леса две четырехугольные без верхних башни и одна «осмиугольная» - большая, называемая раскат. Из текста воеводских описаний не совсем ясно, где именно: в крепости или за ее пределами, располагались канцелярия, воеводский (комендантский) двор с хозяйственными постройками, «каменный» погреб и сарай для оружия и боеприпасов⁵⁸. Видимо, уже к середине XVIII в.

Рис. 13. Геометрический план Симбирского наместничества города Самары 1782 г. Выкопировка А.К. Ширманова. Из архива А.К. Ширманова.

№ 27. Обывательские дворы; № 8. Путьный дом; № 19. Старые «не платные»??? строения.

№ 20. Строения, допущенные после Высочайше подтвержденного плана.

оборонительные сооружения перестали использоваться, деревянные башни (или башня), укрепления по валу и башням развалились. Территория, ограниченная валами, была расчищена и на ней началось строительство административных и прочих зданий и сооружений.

В более поздних сочинениях П.И. Рычкова и П.С. Палласа имеются только самые общие упоминания о «земляной» крепости. Но, очевидно, что во второй половине – конце XVIII в. крепостное пространство было достаточно плотно застроено. Об этом свидетельствуют материалы Геометрического плана Самары, «Топографического описания губернии Симбирской» Т.Г. Масленицкого и «Экономических примечаний» к Генеральному межеванию по Самарскому уезду Симбирской губернии.

Первый «Геометрический план Симбирского наместничества города Самары» был создан в 1782 г. Особенностью такого рода планов являлось то, что в них была отражена не только существующая ко времени составления городская застройка, но и та, которую предполагалось возвести вновь на отведенных для этого свободных территориях. Фактически, данные планы содержали утвержденный монархом проект дальнейшего развития города⁵⁹.

На плане внутри крепости были указаны обывательские дворы, а также «для устройства» предлагались «присутственное место городничего», «магазины к содержанию вина и соли» и другие строения (рис. 12; 13).

Автор «Топографического описания...» (1785 г.) Масленицкий, характеризуя казенные строения Самары, соединил вместе как находившиеся в самой крепости, так и вне ее укреплений. В его перечне: «присутственные места деревянные старые» .... Комендантская канцелярия .... артиллерийской цейхгауз - деревянной ветхой.... Анбаров три: один ветхой, употребляемой для клади артиллерийских вещей... , провиантских два .... Выходов два: один каменной... ветхой, в коем хранится порох и денежная казна; другой винной, деревянной. Соляных анбаров три.... Более ж сего никаких в них казенных зданий нет, внимания ни одно из них не заслуживает»⁶⁰.

Составитель (или составители) созданных на рубеже XVIII – XIX вв. «Экономических камеральных примечаний...» был знаком с работой Т.Г. Масленицкого и наряду с другими материалами использовал ее при составлении своего текста. Но в его описании совокупность строений, находящихся на территории крепости, обозначена очень четко: «... в крепости, казенного строения каменного два дома: 1-ой о двух этажах, обнесенной с трех сторон каменною оградой; в коем помещении в верхнем этаже присутственные места, как то уездный суд, дворянская опека, нижней земский суд и городническое правление, а в нижнем уездное казначейство и кладовыя для денежной казны, архив и жителство имеет городничей;

7. Деревянный винный выход в земле.

14. Городская больница.

15. Тюремный замок.

«Для устройства»:

С. «Магазин к содержанию вина и соли».

Д. «Присутственные места и для городничего».

Е. «Почтовое правление. Вместо которого выстроено уездное училище».

Рис. 14. Фрагмент из «Геометрического» плана Самары 1804 г. См.: НА СОИКМ. Д. 10797.

2-ой об одном этаже, в коем помещают кардегардия для караула и тюрьма для преступников;

деревянного:

1-ый цейхауз⁶¹ военно-инвалидной команды ветхой,

2-й провиантской магазин,

3-й подвал винной в земле⁶².

Таким образом, в «замке» располагались административные и другие здания, имевшие особую значимость для управления и повседневной жизни Самары.

Неоднозначную информацию о строениях в «земляной крепости» содержат Геометрические планы Самары 1804⁶³ и 1840 г.⁶⁴ Так, на плане 1804 г. и в «Экспликация...» к нему указаны следующие здания на территории крепости (рис. 14):

- те, которые предполагались «Для устройства» - «магазинов к содержанию вина и соли», «почтового правления. Вместо которого выстроено уездное училище», «присутственных мест и для городничего».

Все они размещались в северо-восточной и восточной части крепости;

- те, которые уже были в наличии и располагались в юго-восточной и восточной частях крепости - «деревянный винный выход в земле», «тюремный замок», «городовая больница»⁶⁵.

Судя по этому же плану, основные учреждения Самары - городской магистрат, духовное правление и другие находились в районе бывшего расположения старой «засекинской» крепости, ближе к Волге. Но и на территории замка размещались важные для городской жизни заведения, причем к ним предполагалось добавить новые, не менее значимые для уездной Самары.

В следующем по времени Геометрическом плане Самары 1840 г., сохранившемся в нескольких вариантах (рис. 15), в пространстве, очерченном крепостными валами, находились:

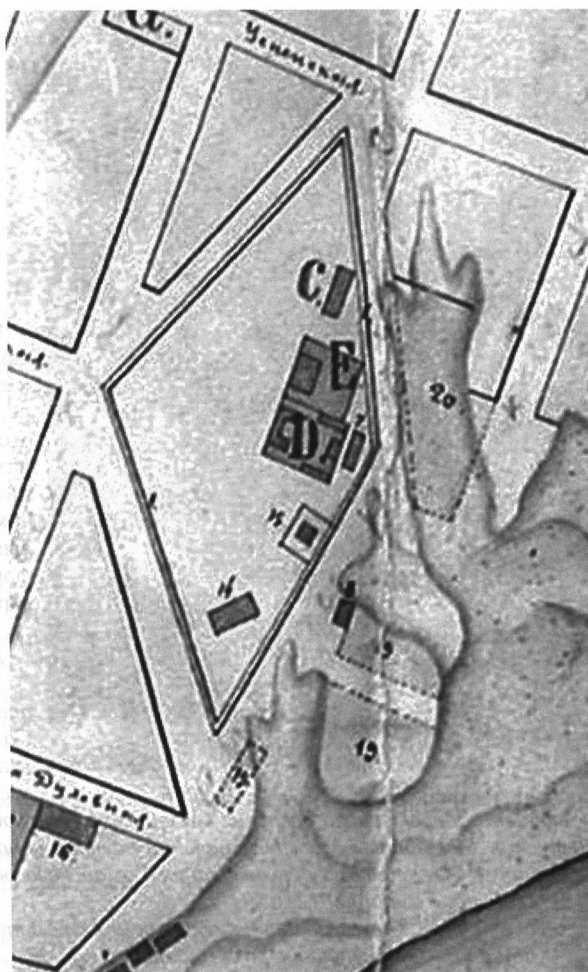
предназначенные для постройки: почтовая контора, городской магистрат;

существовавшие ранее - корпус присутственных мест, уездное училище и совокупность построек, принадлежность которых не указана.

Настоящим долгостремое оказалось здание городского магистрата, которое на протяжении всей первой половины XIX в. пытались возвести на территории крепости, но так и не исполнили это намерение. Не совсем понятно, почему составители плана 1840 г. (в отличие от предшествующего Геометрического плана 1804 г.) «поместили» основные здания на территории крепости в ее западную половину, оставив восточную менее застроенной.

В наши задачи не входит выяснение реальной застройки территории земляной крепости и ее окрестностей в дореформенный период истории Самары. Это дело специального исследования.

Характерно, что в памяти жителей Самары начала XX в. не сохранилось каких-либо конкретных представлений ни о первой, ни о второй самарских крепостях. Даже для такого внимательного краеведа, каким был Константин Павлович Головкин, словосочетания «земляной вал» или «земляная крепость» обозначали некое оборонительное сооружение, которое он пытался, но так и не смог связать с городком, обозначенным на рисунке голштинца А. Олеария⁶⁶.

8. Уездное училище.
9. Городская больница.
Обывательские дворы.
Места, назначенные для постройки новых
зданий.
I. Городовой магистрат.
K. Почтовая контора.

Рис. 15. Фрагмент из «Геометрического плана» Самары 1840 г. См.: НА СОИКМ. Д. 6249.

Очевидно, что в данной статье даны только самые общие сведения о так называемой «земляной крепости» в уездной Самаре XVIII – первой половины XIX в. Дальнейшие раскопки этого уникального памятника и строений, находившихся на его территории; поиск новых письменных источников в центральных и местных архивохранилищах позволят более детально выявить историю «петровского замка», его фортификационные особенности, роль в развитии городского пространства.

Примечания:

¹ Дубман Э.Л. Проект Сызранской линии: предыстория, создание и судьба // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 13. №3(2). 2011. С. 326-331; он же. Строительство Сызрани и начальный этап

военно-государственного освоения Сызранского Правобережья // Самарский край в истории России. Выпуск 4. Материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 160-летию Самарской губернии и 125-летию со дня основания Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Самара, 2012. С. 81-85.

² Кивельсон В. Картография царства: земля и ее значения в России XVII века. М., 2012. С.284.

³ Кабузан В.М. Изменения в размещении населения в XVIII – первой половине XIX в. М., 1971. С.36.

⁴ Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С.152.

⁵ Петров Ю.А. и др. Российское государство от истоков до XIX в.: территория и власть. М., 2012. С.174; «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Часть 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация: монография / под. ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2014. С. 60, 237.

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 349. Оп. 45. Д. 2080.

⁷ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2080, 2084, 2279; 2286; Акманов И.К. Башкирские восстания XVII-начала XVIII вв. Уфа, 1993. С. 139; Материалы по истории Башкирской АССР. М.-Л., 1936. Ч. 1. С. 247; Письма и бумаги Петра I. М.-Л., 1946. Т. 7. С. 624-626; Мустафина Д.А. «Умилосердись, государь мой...». (К вопросу о пространственных рамках башкирского восстания 1705-1711 гг. и превентивных мерах по недопущению его распространения) // «Гасырлар авазы - Эхо веков». 2013. № 3/4.

⁸ Налетов А.Г. План города Кашира конца XVII в. // Архитектурное наследство. 1972. Вып. 19. С. 93-95; Лебедев В.И. Города, пригороды и остроги оборонительных черт Пензенского края на рубеже XVII-XVIII вв. (по материалам ЦГАДА) // Из истории области. Очерки краеведов. Вып. III. Пенза, 1992. С. 99-100; Дубман Э.Л. Оборонительные сооружения и военные гарнизоны Сызранского Поволжья в начале XVIII в. // Самарский земский сборник. 2011. № 1(20). С. 51-54. Кстати, так же строились Дмитриевск и Петровск.

⁹ На наш взгляд, пригород Алексеевск, судя по храмозданной грамоте на строение в нем церкви, все же основали в 1706 г. (См: Тихомиров М.Н. К истории колонизации Самарского края // Классика самарского краеведения: антология. Вып. 2. Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара, 2006. С. 131), а не в 1700 г. как об этом писал П.И. Рычков и считают сейчас многие исследователи. См.: Рычков П.И. Топография Оренбургская. Ч. 2. СПб., 1762. С. 108.

¹⁰ Русское градостроительное искусство Петербург и другие новые российские города XVIII – первой половины XIX веков. Под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого. М., 1995. С. 273; Сочинения Вобана и других

выдающихся западноевропейских фортификаторов активно переводились и использовались в первой четверти XVIII в. См., например: [Вобан]. С. Истинный способ укрепления городов. СПб., 1724.

¹¹ [Вобан]. Книга о атаке и обороне крепостей... . СПб., 1744. С. 14.

¹² Иванин М.И. Описание Закамских линий // Вестник Географического общества. Ч. 1. 1857. С. 71.

¹³ Фактически это был единый оборонительный комплекс.

¹⁴ Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сборник документов и материалов. Самара, 2000. С. 157-158; См. также: Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. 2-е изд., испр. и доп. Самара, 2005. С. 156-157.

¹⁵ Петровский Н.М. Новый список путешествия Ф.А.Котова // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук (ИОРЯС). 1910. Т.15. Кн.4. С.291-292; Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 360-361, 368-369.

¹⁶ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 396. Оп. 3. Д. 53. Л. 51-52.

¹⁷ Бруин К. Путешествие через Московию. М., 1873. С.173; *Voyages de Corneille Le Brun par la Moscovie, en Perse, et aux Indes Orientales*. Amsterdam, 1718. Volume 1.

¹⁸ История Самары: От воеводского управления до Губернской Думы. Книга первая. Самара, 2011. С. 48-49.

¹⁹ Гурьянов Е.Ф. Древние веги Самары: Очерки по истории градостроительства. 2-е изд., перераб. и доп. Куйбышев, 1986. С. 59.

²⁰ Гурьянов Е.Ф. Древние веги Самары. С. 66, 77; Ширманов А.К. Из истории оборонительных сооружений города Самара в XVI – XVIII веках // Краеведческие записки. Вып. 2. Куйбышев, 1971. С. 14. Реконструкция Е.Ф. Гурьянова в целом была принята авторами обобщающей работы по истории русского градостроительства: Градостроительство Московского государства XVI – XVII веков / под общей ред. Н.Ф. Гуляницкого. М., 1994. С. 98.

²¹ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть II. Опыт исследования инженерного искусства в царствование Петра Великого. СПб., 1861. С. 529.

²² Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. ... С. 156.

²³ Мустафина Д.А. «Умилосердись, государь мой...». (К вопросу о пространственных рамках башкирского восстания 1705-1711 гг. и превентивных мерах по недопущению его распространения). С.28-29.

²⁴ Польской С.В. Самара начала XVIII в. в путевых записках Джона Белла // Самарский земский сборник. 1999. № 1. С. 107.

²⁵ Походный журнал 1722 года. СПб., 1855. С. 41.

²⁶ Польской С.В., Дубман Э.Л. Сообщение о Самарском крае в мемуарах П.Г. Брюса // Самарский земский сборник. 1997. №1. С. 72.

²⁷ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1343. Оп. 15. Д. 377; Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. ... С. 156-158.

²⁸ Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. ... С. 156.

²⁹ РГАДА. Ф. 210. Д. 66. Л. 853-872.

³⁰ Там же. Л. 873-897.

³¹ РГВИА. Ф. 349. Оп. 45. Д. 2087.

³² Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб., 1865. С. 93; он же. Карты, планы и чертежи к III части материалов для истории инженерного искусства в России. СПб., 1866. Л. 8. Изобр. 15. Хотя, возможно, план был один, но при копировании чертежники могли вносить незначительные изменения во второстепенные детали.

³³ Смирнов Ю. Новый источник по истории Самарского края XVIII века и его автор. О «дневнике» и гравюре Джона Кэстля // Самарская область. Этнос и культура. 1998. №1-2. С. 45-48.

³⁴ Синельник А.К. История градостроительства и заселения Самарского края. Самара, 2003. С. 40; Научный архив Самарского областного историко-краеведческого музея (далее НА СОИКМ). Д. 10797, 6249.

³⁵ У Гурьянова по верху вала внешних – восточных сторон крепости указаны заборалы, а у Ширманова – тарасы. Ширманов пишет о классических по начертанию бастионах, а Гурьянов о круглых бойверках. Несомненно и то, что Ширманов ошибается с местоположением земляной крепости, размещая ее на месте старого сгоревшего деревянного детинца.

³⁶ Ширманов А.К. Из истории оборонительных сооружений города Самара в XVI – XVIII веках. С. 10-18; Гурьянов Е.Ф. Древние веги Самары: Очерки по истории градостроительства. С. 78-80. Реконструкция последнего приведена в одной из последних обобщающих работ по истории российского градостроительства: Градостроительство Московского государства XVI – XVII веков. С. 98.

³⁷ Западный, тупой угол «замка» выходил на современную ул. А. Толстого (бывшую Казанскую), южный острый немного не доходил ул. Кутякова (бывшей Духовной), северный доставал до ул.

Комсомольской (бывшей Успенской). Восточная часть крепости выходила за линию, намечаемую ул. Ст. Разина (бывшей Вознесенской). Далее к востоку от «замка» длительное время никаких строений не было. Это были ближние подступы к защищенной укреплениями территории города.

³⁸ Е.Ф. Гурьянов считает, что по верху вала шли «заборалы».

³⁹ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть II. С. 529.

⁴⁰ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. С. 93.

⁴¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 160. Д. 29.

⁴² Назаренко К.В., Смирнов В.Н. Полевые укрепления первой половины XVIII в. на Карельском перешейке // Цитадель. 1998. №1(6). С. 19-23.

⁴³ Отличие приводимых размеров от предлагаемых А.К. Ширмановым обусловлено тем, что мы исходим из современного определения сажени в XVII – XVIII вв. в 2,16 м, в отличие от используемого А.К. Ширмановым – 2,13 м. См.: Ширманов А.К. Из истории оборонительных укреплений города Самары в XVI – XVIII веках. С. 18; Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. Вспомогательные исторические дисциплины. М., 2000. С. 265.

⁴⁴ Гурьянов Е.Ф. Древние вехи Самары: Очерки по истории градостроительства. С. 78; Позднее это определение формы земляной крепости, некритически взятое у Гурьянова, перекочевало и в мою книгу: См.: Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. С. 153.

⁴⁵ Центральный государственный архив Самарской области (далее ЦГАСО). Ф. 803. Оп. 2. Д. 299. Л. 2-3.

⁴⁶ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026. Л. 75. Еще одна попытка определить размеры и очертания крепости принадлежит К.П. Головкину. Он также писал о «четырёхугольнике земляной крепости», но считал, что выявить ее точные размеры крайне сложно. См.: Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XX вв. (краеведческая картотека): сост. Г.В. Галыгина, Э.Л. Дубман, П.С. Кабытов. Самара, 2007. С. 138-141.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 210. Д. 66. Л. 873-875; Ф. 210. Д. 66. Л. 855-856.

⁴⁸ На плане крепости указаны батареи, стоящие на всех башнях, но вряд ли следовало размещать пушки на том, который был обращен внутрь городской территории.

⁴⁹ Ширманов А.К. Из истории оборонительных укреплений города Самары. С. 16.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 210. Д. 66. Л. 854об.-855об.; Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть II. С. 529.

⁵¹ РГАДА. Ф. 210. Д. 66. Л. 855-855об., 874-875.

⁵² РГАДА. Ф. 248. Д. 462. Л. 753, 829-830; Ф. 210. Д. 66. Л. 874.

⁵³ РГАДА. Ф. 248. Д. 456. Л. 363-363об.; Д. 462. Л. 747-748.

⁵⁴ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. С. 9-16.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 462. Л. 825, 831.

⁵⁶ ЦГАСО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 299. Л. 2-3.

⁵⁷ Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XX вв. (краеведческая картотека). С. 141.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Синельник А.К. История градостроительства и заселения Самарского края. С. 40-42.

⁶⁰ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19026. Л. 75-76.

⁶¹ Цейхгауз.

⁶² Экономическое камеральное примечание Симбирской губернии Самарского уезда... // Наш край. Хрестоматия для преподавателей Отечественной истории и учащихся средней школы. Самары, 2003. С. 68. На этот документ ссылался П.В. Алабин, подробно описывая административные и хозяйственные строения в крепости. См.: Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города (историко-статистический очерк). Самара, 1877. С. 15-16.

⁶³ НА СОИКМ. Д. 10797.

⁶⁴ НА СОИКМ. Д. 6249, 6248.

⁶⁵ Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII – начале XX вв. (краеведческая картотека). С. 138-141.

⁶⁶ Там же. С. 137-141.